

УДК 159.9.016.5

В. Н. Сергеев

*Университет гражданской защиты
МЧС Беларуси
ул. Машиностроителей, 25, Минск, 220118, Республика Беларусь*

v.n.sergeev@gmail.com

ДВЕ СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕХАНИЦИЗМА В СОВРЕМЕННОМ БИХЕВИОРИЗМЕ

Одной из серьезных методологических проблем, с которой столкнулась поведенческая психология в последней трети XX столетия, стало преодоление механицизма, заложенного в самой ее концептуальной основе с момента возникновения. Механистическая установка в виде жесткого средового детерминизма существенно ограничивала предметное поле бихевиоризма, лишала полноценного инструментария изучения и модификации сложных форм поведения человека. Различные стратегии ответа на подобный вызов привели к размежеванию поведенческой науки на два течения, определяющие облик современного бихевиоризма: «когнитивное» и «оперантное». В рамках первого из них жесткий детерминизм среды преодолевается за счет концептуализации принципа так называемого «реципрокного детерминизма» и попыток его операционализации. В рамках второго – за счет дальнейшего развития идеи оперантного научения и усложнения поведенческих механизмов, позволяющих включить в поле анализа произвольность как свойство. Проведен обзор методологического наполнения упомянутых стратегий, а также указаны некоторые проблемные моменты каждого из них.

Ключевые слова: детерминизм, промежуточная переменная, гипотетический конструкт, стимульное событие, стимульный контроль, теория социального научения, реципрокный детерминизм, оперантная психология, генерализация, теория реляционных фреймов.

Введение

Как и любая исследовательская программа, претендующая на научную строгость, поведенческая психология неизбежно провоцирует

Сергеев В. Н. Две стратегии преодоления механицизма в современном бихевиоризме // Reflexio. 2017. Т. 10, № 2. С. 5–36.

достаточно ожесточенную полемику, затрагивающую как глубинные эпистемологические основания познания человеческой психики, так и прикладное воплощение постулируемых принципов. Все еще остаются актуальными «внешние» противоречия бихевиоризма с иными направлениями психологии (объединенными сторонниками поведенческого подхода термином «ментализм»). Вместе с тем, если отбросить чисто онтологический компонент дискуссии, можно констатировать заметное снижение накала проблемы. Среди причин такового можно упомянуть, во-первых, стремительное развитие нейронаук, придающих помимо прочего необходимую строгость построениям когнитивной психологии и невольно роднящих ее в этом с наукой о поведении (многие бихевиористы в принципе отрицают каузальный статус ментальной сферы, но все признают средовую и «естественную», организменную причинность; нейронауки же могут показать физиологический субстрат когнитивного). Во-вторых, с момента так называемого «когнитивного поворота» в бихевиоризме (т. е. оформления теории социального научения) интрапсихические переменные перестали быть чуждыми и ряду сторонников поведенческой науки. Наконец, в-третьих, многие поведенческие и «менталистские» подходы по ряду ключевых вопросов просто не пересекаются, как бы существуя параллельно («чистое» исследование ради прироста данных в бихевиоризме вторично, прагматическая ориентация определяет и критерии истинности подхода).

В результате некоторые исследователи (например, У. Баум) склонны считать, что в «полноценной» оппозиции к бихевиоризму ¹ стоит только житейская психология (folk-psychology) [Baum, 2016. P. 1], сохранившая в наиболее архаичных формах картезианский дуализм души и тела. Именно благодаря последнему ряд психологических понятий (например, разум) нагружаются житейским смыслом, что делает их сложными для использования в поведенческой науке и вынуждает либо вообще от них отказаться, либо глубоко их реинтерпретировать. Иными словами, дело заключается вовсе не в некоем априорном противостоянии поведенческой психологии остальным отраслям психологического знания (будь то интроспективная, когнитивная, социальная, культурно-историческая и любая другая психология). «Менталистские» течения психологии контрастны бихевиоризму

¹ Вслед за Б. Скиннером многие авторы исходят из того, что бихевиоризм – это философия, лежащая в основе поведенческой психологии, а не сама поведенческая психология, которая в строгом смысле представляет собой набор прикладных методов.

лишь в той мере, в какой идея ментальной причинности некритично ими использована, в результате чего механически инкорпорирован и упомянутый дуализм [Burgos, 2016].

Так или иначе, устойчивая внешняя граница бихевиоризма будет сохраняться ровно до тех пор, пока актуально существенное различие между психологией «от первого лица» («ментализм» в широком смысле) и бихевиоральными направлениями как психологией «со стороны», «от третьего лица»² (Christofidou, 2016. P. 14).

Как упоминалось, поведенческий подход не является целостным, непротиворечивым направлением науки. В его рамках существуют достаточно жесткие расхождения по ряду ключевых вопросов. В нашем случае речь пойдет о двух альтернативных стратегиях преодоления так называемого *механицизма* – идеи жесткой средовой детерминации поведения, подразумеваемой классическими версиями бихевиоризма. Очень упрощая, суть упомянутого механицизма можно попытаться раскрыть следующим образом: (случайный) внешний стимул с *необходимостью* влечет за собой реакцию. При этом сам факт стимулирования организмом контролироваться не может, как не может (во многих случаях) контролироваться и необходимость (и даже характер) реагирования. Более того, подразумевается, что если средой (например, социальной) осуществляется подкрепление тех или иных поведенческих ответов, то это происходит автоматически, произвольно (без права «выбирать» для того, кто поведение демонстрирует). Традиционной задачей исследователя поведения было управление реагированием путем манипуляции стимульными переменными, т. е. целенаправленное воздействие (т. е. он олицетворял механистическую среду). Возможность осуществления такого контроля могла быть реализована в специальных, лабораторных условиях, позволяющих ограничить сложность и стохастичность среды (неуправляемое воздействие иных стимулов). До определенного момента механицизм не столько тяготил исследователей, сколько *помогал*: именно неизбежность реагирования и автоматизм подкрепления (испытуемого) и позволяли экспериментатору проводить полноценный эксперимент.

² Понимание научного стиля бихевиоризма можно начинать с категорического «вынесения за скобки» *собственных* мышления, эмоций и т.п. исследователя. В поле зрения – только объект. И тогда ментальная сфера другого человека вновь станет «черным ящиком», а наблюдаемыми – среда и поведение. В случае с изучением животных такую операцию провести много проще (чему пример – запрет И. П. Павлова на «очеловечивание» животных в исследовательской практике его сотрудниками).

Однако с расширением предметного поля бихевиоральной психологии до сложных форм поведения (в том числе человеческого) и усилением потребности «выйти из лабораторий» ситуация изменилась. Механистическая установка стала серьезно ограничивать эвристический потенциал бихевиорального подхода, что неизбежно влекло за собой попытки ее преодоления.

Одной из первых стратегий осуществления эпистемологического «прорыва» стало введение в аналитический инструментарий так называемой «промежуточной переменной». По большому счету, среди важных отличий между современными течениями бихевиоризма мы можем обнаружить как раз вопрос о том, какими переменными они предпочитают оперировать в своем анализе поведения.

Однако сразу следует оговориться, что узкое, строгое понимание концепта («промежуточная переменная») утратило актуальность вместе с первой волной необихевиоризма (К. Халл, Э. Толмен и др.). В нашем обзоре понятие употребляется в расширительном, отчасти метафорическом смысле: к промежуточным, а скорее «дополнительным», относятся все те переменные, которые любым способом «плюсуются» к традиционным *S* и *R*. Как станет видно из дальнейшего содержания, иногда было бы сложно указать на то, где именно «помещаются» дополнительные переменные относительно базовых и какова их референциальная природа – столь отличны могут быть использующие их течения.

Среди таких направлений можно условно выделить два магистральных: теория социального научения (и, шире, социально-когнитивная теория) и «чистый» (радикальный) бихевиоризм, в частности, современные версии оперантной психологии Б. Скиннера и постскиннерианские подходы, прежде всего, теория реляционных фреймов (relational frame theory). Несмотря на заметную непохожесть, конкретные практики, лежащие в рамках данных направлений, все же являются поведенческими, поскольку их объединяет концептуальное наполнение предметного поля: акцент на научение (как непреднамеренное получение опыта), поведение (с точки зрения контроля и модификации), подкрепление и т.п.

Ненаблюдаемые переменные: к проблеме различения событий (events) и конструкторов

С момента своего окончательного оформления в 70-х гг. XX в. (стараниями А. Бандуры) теория социального научения нередко

подвергалась критике со стороны представителей поведенческого подхода за нарушение ключевых принципов бихевиоризма и отход от свойственной ему научной щепетильности. Впрочем, такая критика была взаимной: на протяжении десятилетий А. Бандура и его коллеги выстраивали основные положения теории именно по контрасту с принципами оперантной психологии (но по сути на ее основе). К настоящему моменту демаркация между этими двумя направлениями в основном завершена, однако в ходе взаимного в основном бесконфликтного существования они учитывают факт наличия друг друга, например, при аргументации преимуществ положений своего подхода³. Фундаментальный вопрос расхождений заключается в (не)допустимости оперирования ненаблюдаемыми переменными, которые в значительной мере обладают статусом гипотетических конструкторов.

Переменные или конструкторы? Данная проблема в принципе не является новой даже для поведенческой психологии. Как отмечалось, необходимость дополнить схему $S-R$ неоднократно диктовалась самой логикой развития, стремлением перейти к анализу более сложных форм поведения. Со времен необихевиоризма «первой волны» исследователи, в частности К. Халл, Э. Толмен, Р. Вудвордс, Н. Миллер, Дж. Доллард, предлагали различные референты промежуточной переменной (организменные, когнитивные, мотивационные процессы и т. п.), однако все эти попытки приводили к сложностям, расширяющим применимость теорий: либо наблюдался лавинообразный рост подлежащих учету переменных, либо переменные начинали «жить собственной жизнью», и потенциал их изучения сдерживался уже самой $S-R$ схемой.

Нужно сказать, что последней проблемы не избежала и теория самого А. Бандуры: с одной стороны, основное ее развитие пошло по когнитивному пути, ведущему к своеобразной теории личности (как минимум в плане разработки методик ее оценки) [Schoda, 2013; Scott, Cervone 2016]; с другой – поведенческий компонент изначально был самым «консервативным» и развития фактически не получил. Более того, теории социального научения неоднократно «ставилась на вид» недостаточная проработка механизмов подкрепления, а так-

³ Тем более что теорию реляционных фреймов ее сторонники иногда представляют как «третий путь», сущностно приближенный к оперантной психологии, но более лояльный к когнитивному бихевиоризму.

же некорректное употребление понятия применительно к принципу реципрокного детерминизма⁴ [Fryling et al., 2011].

Но так или иначе уже в период зарождения необихевиоризма проявилось стремление четко разграничивать два различных понятия: «гипотетический конструкт» и «промежуточная переменная». К. МакКоркодэйл и П. Мил целенаправленно выделили ряд таких их отличий, которые можно считать принципиальными. Они отмечали, что по сравнению с конструктами: 1) промежуточные переменные: являются лишь инструментом абстрагирования эмпирических данных и в силу этого не содержат избыточных смыслов (*surplus meaning*), которые нужно отдельно доказывать; 2) необходимым условием валидности переменной является доказательность лежащих в ее основе эмпирических законов (доказал закономерность – обосновал переменную); 3) использование переменных определяется удобством их применения в научном дискурсе и экспериментальной практике. Согласно авторам, именно так их понимал Э. Толмен [MacCorquodale, Meehl, 1948. P. 107]. Тем самым принципы поведенческой науки не нарушались. Можно сказать, что более поздние расхождения теории социального научения и радикального бихевиоризма коренятся в этом же различии: то, что для сторонников первого подхода является по сути промежуточной переменной, для вторых – конструктом.

Впрочем, в современном звучании подобная дискуссия имеет несколько иное преломление через разработанную в рамках так называемого интербихевиоризма (философское направление, связанное прежде всего с именем Дж. Кантора), дифференциацию событий и конструктов как видов научного продукта и способов экспликации психологической причинности: «В тех случаях, когда это слово (переменная. – В. С.) относится к стимульным условиям (*stimulus condition*), реакциям, контексту, состоянию организма (*body condition*) либо другим конкретным вещам, переменная является вещью или событием. Когда же под переменными понимаются “промежуточные переменные”, такие как “О” Вудвортса, “внутренние побуждения” Халла или “когнитивные карты” Толмена, они являются конструктами» [Смит, 2003. С. 65].

Систематизируя взгляды Дж. Кантора, Н. Смит выводит ряд современных требований к построению и использованию конструктов

⁴ При знакомстве с наследием А. Бандуры может броситься в глаза, как изменяются тональность и сам «дух» содержания его трудов: почти эталонный бихевиоризм конца 70-х уступает место более когнитивному и «менталистскому» содержанию поздних работ.

в психологическом исследовании, которые по большому счету повторяют обозначенные МакКоркейлом критерии для промежуточной переменной (меняются не требования, а те понятия, которые должны им соответствовать) [Smith, 2007. P. 173]. Не менее детальную информацию по проблеме мы можем прочитать в работе М. Клэйтона: конструкторы должны быть фундированы в континууме естественных событий, обладать валидностью (одна из гарантий которой – их *непроизвольность*. – В. С.), быть когерентными научной системе и т. д. [Clayton, 2005].

В любом случае это подразумевает, например, что применение конструкторов должно быть ограничено некой мерой необходимого, причем избыточный смысл (т. е. ненаблюдаемая их часть) для них также нежелателен, как нежелательно построение на их основе научного объяснения и научной концепции. Любопытно, что благодаря этим положениям Н. Смит солидарен с радикальным бихевиоризмом в критике теории А. Бандуры. С его точки зрения, в реципрокной триаде присутствует «слабое звено» – когнитивная ее часть, слишком гипотетичная в сравнении с поведением и средой [Смит, 2003. С. 66].

В какой же мере использование конструкторов необходимо для любых течений бихевиоризма? Согласно точке зрения некоторых поведенчески ориентированных исследователей, их применения не получится избежать на этапе выхода за рамки экспериментального исследования и перехода к интерпретации результатов ⁵. Научная интерпретация по определению не может избежать апелляции к ненаблюдаемым явлениям. В изучении поведения это вполне допустимо, если: эти явления ⁶ ранее подвергались экспериментальному анализу; antecedentes интерпретируемого поведения включают условия, достаточные для задействия ненаблюдаемых явлений (в случае, когда связь antecedентов и ненаблюдаемых сейчас явлений доказана ранее); характеристики ненаблюдаемых явлений и их вклад в текущие процессы ограничиваются теми эффектами, которые уже были продемонстрированы ранее при наблюдении таких явлений [Carvalho Neto,

⁵ Без неких обобщающих интерпретаций исследование либо становится предельно узким (и максимально «консервативным»), либо неполным. Это допустимо в случае, когда целью является исключительно модификация поведения, но утопично при необходимости прироста информации.

⁶ В цитируемой работе автор использует оборот «unobserved events» (представляемые конструкторами), который мы вынуждены заменить на «ненаблюдаемые явления», так как в нашем исследовании термин «event» используется в смысле, противоположном конструктору.

2013. Р. 3]. В любом случае бихевиористская позиция по вопросу использования конструкторов была и остается весьма консервативной.

Когнитивные переменные? Содержание наиболее острых противоречий между социально-когнитивной и радикально-бихевиористской версиями поведенческой психологии, а равно и вопроса о наполнении и функциональном предназначении дополнительных переменных, так или иначе сводится к статусу когнитивной сферы, степени ее участия в непосредственном управлении поведением. А если использовать более поведенческий лексикон – в вопросах каузации, детерминации и стимульного контроля.

В рамках данной публикации не имеет смысла приводить дискуссию по когнитивным аспектам поведенческого анализа, однако следует еще раз предостеречь от упрощенного ее понимания и не воспроизводить расхожий стереотип о том, что в радикальном бихевиоризме когнитивная сфера «отсутствует», «не признается» и т. д. В теории социального научения и в оперантной психологии (и, далее, в теории реляционных фреймов) речь идет о *различных способах операционализации* когнитивного. Причем способ, избранный А. Бандурой и его коллегами, можно назвать, так сказать, более «психологически понятным» в сравнении с чисто бихевиоральным, отрицающим ментальную причинность ⁷.

«Антимеханистическая» стратегия теории социального научения

Когнитивные переменные. Начать следует с того, что в рамках теории социального научения не создавалось принципиально новой модели поведения. Когнитивными переменными дополнялись рабочая формула оперантного обусловливания (обусловливание по последствиям) и трехчленная формула поведения $S_D \rightarrow R \rightarrow S_{rein}$, где S_D – так называемый дискриминативный стимул ⁸, а S_{rein} – стимул подкрепляющий (reinforced), т. е. олицетворяющий последствия поведения. Другой вопрос, что вводимые дополнительные переменные должны были существенно расширить ее (формулы) познавательные и прагматические возможности, а также снять накопившиеся противоречия и «слабые места» бихевиорального подхода (в том виде, в каком их

⁷ В стиле «сначала думаю – потом демонстрирую поведение».

⁸ Бандура предпочитал термин «модельный», делая акцент на его функции – давать «подсказку» в выборе поведенческого ответа в текущей ситуации.

описывали критики). В итоге речь идет о том, в рамках какой модели детерминации и контроля поведения (внешняя vs организменная) выстраивается теория.

Концептуализируя дополнительные переменные, А. Бандура значительно развил толменовский подход, который заключался в помещении между *S* и *R* промежуточной (когнитивной) инстанции. В этом развитии его позиция значительно отличалась от идей Вудвордса, Долларда и Миллера, а также Дж. Роттера (чьи идеи также относились к теории социального научения). В частности, в рамках своей концепции Дж. Роттер, также стремясь отойти от механицизма и сделать поведение прогнозируемым, вводит ряд дополнительных переменных: потенциал поведения (как его вероятность), ожидание подкрепления, ценность подкрепления (*value*), психологическая ситуация (по сути набор воздействующих средовых факторов) [Rotter, 1960. P. 314]. Комбинация упомянутых переменных получила выражение в известной формуле прогноза поведения: «вероятность того, что поведение “X” с подкреплением “A” произойдет в ситуации 1, есть функция ожидания того, какую ценность будет иметь подкрепление “A” поведения “X” в ситуации 1»⁹ [Rotter, 1969. P. 5].

Аксиоматика когнитивной инстанции. В отличие от Дж. Роттера, А. Бандура фактически переосмысливает и перерабатывает саму идею «промежуточности», а значит, некоторой вторичности когнитивной инстанции, делая когнитивное едва ли не главным элементом реципрокной триады (как минимум с точки зрения исследовательского внимания к ней). Более того, в отличие от оперантных психологов, он смещает акцент с функционального назначения когнитивных процессов на их содержание (то, «что» и «как» когнитивных переменных интересует его больше, чем «для чего») [Bandura, 1995. P. 186]. Обосновывающий это «гуманистический» аргумент не раз воспроизводится когнитивно-ориентированными поведенческими аналитиками: «без феноменального и функционального сознания люди по существу являются более высокоуровневыми автоматами, лишенными какой-либо субъективности или сознательного контроля» [Bandura, 2001. P. 3]. Вполне вероятно, приведенное положение наделяет сознание и онтологическим статусом.

Развивая идею оперантного научения, А. Бандура придает последствиям поведения не только подкрепляющую, но также информаци-

⁹ Авторский адаптированный перевод.

онную и мотивационную функции, отнеся две последние на счет когнитивной сферы.

Поведенческая «теория личности». Особая роль «третьей переменной» приводит к структурному видению когнитивного компонента реципрокной триады, позволившему к настоящему времени сформировать даже своего рода поведенческую «теорию личности». Концепт «личность» (personality), однако, не должен трактоваться в диспозиционном смысле – против этого категорически выступал и сам А. Бандура (диспозициональность противоречит принципу реципрокного детерминизма) [Corcoran, 1995. P. 203]. Понятие выступает скорее в качестве единицы анализа, объясняется посредством отсылки «...к базовым когнитивным и аффективным структурам и процессам» [Cervone, 2000. P. 30] и понимается как «комплекс, динамическая система ...социально-когнитивных и аффективных процессов ...которые ...имеют тенденцию к самоорганизации, приводящие к устойчивым, согласованным паттернам наблюдаемого поведения» (притом, что «глобальные свойства системы (процессов) объясняются ссылкой на взаимодействия между несколькими основными механизмами») [Cervone et al., 2001. P. 35]. В современных версиях социально-когнитивной теории эти структуры трактуются как относительно стабильная когнитивно-аффективная система (CAPS-модель), включающая, например, «три обширных набора переменных личности: (а) темперамент; (б) self-схематизацию; (в) саморегуляцию» [Scott, Cervone, 2016. P. 3].

Викарное научение. Названные «базовые структуры и процессы» напрямую связаны с «третьим типом» научения – научением через наблюдение, в основу которого положена когнитивная модель входа-выхода [Fryling et al., 2011. P. 194], и которое «обслуживается» четырьмя основными процессами (внимания, сохранения, моторно-репродуктивными, мотивационными) [Бандура, 2000. С. 40]. С учетом специфики научения особый интерес представляет именно содержание (если не сказать «содержимое») получаемого опыта [Holland, 2008], о котором можно судить на основании того, каким образом символизируются данные при когнитивной обработке стимулов.

С точки же зрения трехчленной формулы поведения научение через наблюдение увязывается с модельными стимулами (S_b): «Когда имитируемое поведение было подкреплено положительно, а отклоняющиеся реакции либо не были вознаграждены, либо повлекли наказание, поведение других начинает действовать как дискриминационный стимул для соответствующих (поведенческих. – В. С.) ответов»

[Bandura, 1972. P. 38]. «Поводов» для научения становится больше – собственный опыт подкреплений, наблюдаемое подкрепление других, вербальная информация о последствиях [Bandura, Barab, 1971. P. 245].

При этом важно еще раз подчеркнуть, что аутентичная концепция викарного научения и более современные ее вариации остаются бихевиоральными как минимум в том смысле, что поведение – неустрашимый элемент и разрабатываемые когнитивные (и аффективные) механизмы есть именно регулятивы и причины поведения, равно как и наоборот (поведением могут подкрепляться когнитивные схемы) [Bandura, 1996. P. 329]. В социально-когнитивной теории четко разграничены измерения внутренних структур личности и наблюдаемого поведения (явного) [Cervone et al., 2001. P. 46] и равным образом граница проводится между когнитивными, поведенческими и средовыми (ситуационными) детерминантами [Schoda, 2013. P. 554], причем значимость последних подчеркивалась неоднократно [Bandura, 1981. P. 35–36; Bandura et al., 1977. P. 137].

«Независимость» от среды как преодоление механицизма. В вопросе независимости речь идет не о некоем «высвобождении» организма из-под влияния среды, а лишь о преодолении жесткой детерминации (в описанном выше смысле) и средовой причинности. Им противопоставляются принцип реципрокного детерминизма и трактовка контакта со средой как *непрямого* [Greer et al., 2008. P. 15]. Причем относительно последнего «существует удивительное единодушие в различении поведенческих изменений, обусловленных прямым контактом организма с условиями (контингенциями) подкрепления и наказания, и опосредованных поведенческих изменений, связанных с наблюдением» [Greer et al., 2006. P. 486]. За средой «остается» ее стимульная природа и свойство автоматически подкреплять любое поведение. Вопрос заключается в том, каким образом этого средового диктата избежать: любое поведение будет подкреплено, проблема в том, как в этом процессе участвует тот, чье поведение подкрепляется. Для А. Бандуры и его коллег крайне важно, чтобы степень участия человека была обоснована как максимально возможная.

Вероятно, стремление вывести поведение человека из-под прямого «механистического» детерминизма среды могло стать едва ли не личным мотивом создателей теории социального научения.

Структурирование средовых сигналов при помощи когнитивных механизмов поведения является хорошим ответом на вопрос о том, каким образом внешние воздействия не превращают человека во «флюю-

гер», вынужденный реагировать на любые стимулы. Но ведь именно так с позиции (ранней) теории социального научения выглядит реализация идей «некогнитивного» бихевиоризма: люди – «хранилища» истории внешней стимуляции, они ничего не могут добавить к ее воздействию и «...благодаря концептуальному жонглированию, детерминанты человеческих действий регрессируют до уровня “инициирующей причины”, локализованной в среде, что делает человеческую мысль полностью избыточной» [Bandura, 1996. Р. 324]. В противовес этому, признавая влияние средовых факторов, Бандура делает акцент на том, что «своей активностью люди создают, изменяют и разрушают среду» [Bandura, 1981. Р. 31]. Тем самым личностные переменные наделяются статусом инициирующего агента [Bandura, 2001] (см., например, какие следствия последнее положение имеет в клинической практике [Tazouti, Jarlégan, 2016. Р. 2]).

Сложность и стохастичность среды нивелируется упорядоченностью когнитивной переработки сигналов. Концепт «самоэффективность» (и «ожидания самоэффективности») и более широкое понятие «саморегуляция» (а равно более узкое «самоподкрепление») проливают свет на процедуру селекции сигналов и выбора поведения в той или иной ситуации [Bandura et al., 1976. Р. 5] ¹⁰. Причем очевидным является и обратное влияние факторов среды и поведения на оценку самоэффективности ¹¹ [Bandura, Adams, 1977. Р. 304].

Решается и непростая проблема временного разрыва между научением и реакцией, основанной на полученном опыте. Использование трехчленной формулы поведения, с точки зрения Бандуры, решить ее не позволяет, поскольку в подобной ситуации формула разрывается сама, и четкой связи между дифференциальным (модельным) стимулом, реакцией и стимулом подкрепляющим проследить попросту невозможно [Bandura, 1972. Р. 38].

Оперантная психология, завязанная на идею научения по последствиям, далеко не всегда может объяснить, каким образом сохраняется последовательность поведения в режимах отсроченного подкрепления [Бандура, 2000. С. 25]. На момент оформления теории социального научения радикальный бихевиоризм только начал попытки решить эту проблему с опорой на идею генерализованного

¹⁰ Сам факт возможности выбора указывает на преодоление механицизма в рамках подхода.

¹¹ Вслед за Бандурой еще раз предостережем от расширительной, диспозиционной по сути трактовки самоэффективности (в стиле «самоэффективность = индивидуализм») [Bandura, 2001].

операнта¹². Последняя основана на том, что «поведение регулируется интегрированной обратной связью в большей степени, нежели непосредственными результатами. ...организмы интегрируют информацию о том, насколько часто их реакции получают подкрепление в течение определенного промежутка времени, и регулируют свое поведение в соответствии с суммарными последствиями» [Бандура, 2000. С. 25]. С точки зрения Бандуры, простейший способ объяснить, как именно это происходит – учитывать когнитивные функции. Например, посредством «непрерывной реципрокной интерактивности персональных и внешних детерминант» [Там же]. Хороший способ суммации последствий (прошлых подкреплений) – наблюдение (минимизация проб и ошибок) и моделирование. Модель не только объясняет то, как смоделированный отклик можно использовать сразу же после его наблюдения, но также и то, как это поведение может быть воспроизведено позже при различных обстоятельствах [Fryling et al., 2011. P. 194]¹³.

Когнитивная обработка и переработка отвечают также и за *накопление опыта*, допуская, кроме того, его относительно произвольное применение. Тем самым научение становится гораздо более эффективным:

А. Человек не должен каждый раз проходить череду проб и ошибок, он может заимствовать чужой опыт подкреплений, причем опыт не будет накапливаться «экстенсивно». Бандура не столько отрицает скиннерианскую модель, сколько «удваивает» ее, добавляя когнитивные процессы в качестве ключевой переменной. Он прямо заявляет: «...поскольку научение через ответные последствия по большей части является процессом когнитивным, в тех случаях, когда нет осознания того, что же конкретно подкрепляется, последствия вносят лишь незначительные изменения в общее поведение» [2000. С. 34]. Другими словами, оперантное подкрепление без выраженного когнитивного участия (разумеется, возможно, но) требует гораздо большего времени для суммации накопленного опыта до формирования устойчивого паттерна.

¹² А чрезвычайно эвристичный скиннерианский анализ вербального поведения еще не был в полной мере освоен.

¹³ При этом, однако, введ за Р. Гриром и его коллегами упомянем факт отличий ситуации, когда в результате наблюдения за другими демонстрируется поведение из уже имеющегося репертуара, являющегося результатом проведенного ранее научения через наблюдение, и собственно научение посредством наблюдения [Greer et al., 2006. P. 493].

Более того, когнитивные переменные, структурирующие поведение и сохраняющие опыт, по сути способствуют возникновению своеобразного «резерва реакций», «избыточности» поведенческих ответов в отношении средового стимулирования, снимающей средовой детерминизм ¹⁴ [Bandura, Mahoney, 1974. P. 97].

Б. На основе ожиданий человек может предсказывать последствия своего поведения. Бандура и его коллеги говорят о том, что оперантные аналитики не очень любят говорить о (возможных) подкреплениях в будущем как «организаторе» поведения. В своем объяснении они как бы идут по цепочке назад (ретроспективно: опыт подкреплений и непосредственные последствия) [Bandura, 1981. P. 35]. Когнитивная же обработка дает существенный «прирост» предиктивных возможностей [Bandura, 1995. P. 180]. Способность приносить ожидаемые результаты для текущей деятельности способствует предсказуемому поведению через процедуру *сопоставления желаемого результата* с текущей средовой стимуляцией [Bandura, 2001. P. 7], тогда как поведенческие аналитики увязывают предсказуемость как раз со средой [Bandura, 1995. P. 185] ¹⁵.

В. Соответственно, человек может «подготовить» (т. е. смоделировать) поведение в ситуациях, в которых еще никогда не был, еще не столкнувшись с подкреплением и последствиями своих действий, т.е. появляется механизм объяснения нового поведения.

Любопытно, но из логики подхода вытекает, что «автоматические» подкрепляющие стимулы обладают приоритетом, моделирование же, ожидания (подкрепления и самооэффективности) способны их нивелировать, минимизировав риск случайных (но функциональных) подкреплений (т.е. научения неправильному поведению) [Бандура, 2000. С. 27]. Кроме того, когнитивные переменные позволяют объяснить, согласно Бандуре, во-первых, тот факт, что люди не имитируют все, что видят (несмотря на воздействие), во-вторых, что люди имитируют то, чего никогда не видели.

Сложности подхода. Несмотря на серьезный эвристический потенциал, социально-когнитивная теория имеет и ряд проблемных вопросов.

¹⁴ Прямо об этом Бандура не говорит, но можно предположить, что прежде, чем давать поведенческий ответ на внешний (модельный) стимул, может существовать возможность выбрать этот ответ. И напротив, автоматизм средовых подкреплений подобный выбор исключает.

¹⁵ Что оставляет открытым вопрос о прогнозе поведения в неэкспериментальных ситуациях, когда средовыми переменными никто не манипулирует целенаправленно.

Во-первых, вопреки тщательной проработке принципа реципрокного детерминизма, данный подход все же продолжает оперировать гипотетическими конструктами, чей статус в вопросе измеримости и наблюдаемости «авансом» уравнен со средовыми переменными и поведением. Ситуация улучшается за счет упомянутого фактора развития нейронаук и попыток оформления поведенческой «теории личности» на основе детальных формализованных методик оценки [Schoda, 2013; Scott, Cervone, 2016. P. 80]. Однако еще Г. Айзенк напоминал об известном Бандуре (неразрешенном) парадоксе, который заключался в том, что многие теории поведенческих изменений когнитивны по природе, но методы, приводящие к таким изменениям, основаны на исполнительских операциях, что может означать подмену причинности [Eysenck, 1978. P. 175]. Причем интенция к изменению когнитивных (и аффективных) переменных касается многих сфер приложения подхода, в том числе клинической практики [Dougher, 2013. P. 226].

Во-вторых, в своем стремлении уйти от механицизма социально-когнитивные теории не смогли избежать самого «прямолинейного» пути – своего рода концептуальной «контрадикторности». Прямо отрицая глобальное значение непосредственной средовой детерминации, когнитивисты по сути остаются в рамках линейного мышления и упомянутого в начале статьи дуализма (в стиле «не хочешь, чтобы человек был флюгером – придай особое значение его когнитивной сфере, в которой он произволен»).

В своей публикации С. Кемп прямо указывает, что $S-R$ и $S-O-R$ подходы развиваются в рамках картезианской традиции объяснения поведения в терминах «автомата» [Kemp, 1997. P. 230]. Контроль поведения здесь означает контроль antecedентов (а не консеквентов, как в оперантной психологии). Очевидно, что из всех версий «когнитивных» поведенческих подходов именно теория Бандуры оказалась ближе всего к тому, чтобы вырваться из дуалистической парадигмы. Но еще один парадокс заключается в том, что принцип реципрокного детерминизма пока не смог в полной мере реализовать функцию «убийцы» дуализма. Причина того, вероятно, кроется в трудоемкости экспериментальной его проверки, а точнее сложности обнаружения всех элементов реципрокной триады *одновременно*. В итоге интерпретация поведения на его основе либо упрощается (с явным акцентом на взаимоотношения каких-либо двух переменных), либо последовательно «раскладывается» на более простые элементы, сни-

жая степень подобия исследовательской модели поведения и самого наблюдаемого поведения.

В-третьих, помня о прагматической ориентации бихевиоризма, некоторые исследователи указывают на различные (но одинаково значимые) результаты применения социально-когнитивной теории и оперантной психологии в одних и тех же ситуациях (см., например, об эффектах вознаграждений в организационной психологии) [Carton, 1996. Р. 247].

Указанные «слабые места» также были использованы современной оперантной психологией в построении альтернативы.

«Антимеханицизм» оперантной психологии

Приведенные выше концептуальные построения социально-когнитивной теории, как отмечалось, во многом основаны на противопоставлении «классической» оперантной психологии, долгое время задающей тренд развития бихевиоризма. Однако было бы ошибочным полагать, что со времени «когнитивного» поворота в поведенческой психологии скиннерианский подход не претерпел существенных изменений. Модернизация подхода была и продолжает быть направлена фактически на выработку чисто поведенческих решений тех вопросов, которые в своем формате решала теория социального научения.

Дополнительные переменные? Начать следует с того, что «антимеханистический» потенциал был заложен уже самой формулой оперантного обусловливания, устанавливающей контингентные отношения между реакцией и подкрепляющим стимулом. При этом контингентность означает особый тип связи между переменными (или событиями), при которой одна из них влияет на вероятность другой ¹⁶ [The Cambridge Dictionary of Psychology, 2009. Р. 132]. Применительно к трехчленной формуле поведения это означает, например, что «дискриминационные стимулы никогда не увеличивают вероятность соответствующих ответов вообще, но только уменьшают вероятность несоответствующих ответов (и в этом смысле выступают заменой понятия “ожидание”. – В. С.) ...и имеют каузальный эффект не в отношении реакции, а в отношении связи между реакцией и подкреплением» [Кемп, 1997. Р. 230]. Это тем более важно, что, с точки зрения некоторых авторов, анализ поведения (во всяком случае современный) занимается отнюдь не научением как таковым. Его предмет,

¹⁶ Что означает *вероятностный*, а не *случайный* характер последствий поведения.

скорее, «...отношение; связь между поведением и контекстом, в котором оно происходит» [Dougher, 1995. P. 217].

Вариант, подразумевающий введение в качестве дополнительных переменных референтов внутренних состояний, во многом противоречит научной доктрине радикального бихевиоризма.

Во-первых, вероятное в этом случае диспозициональное прочтение когнитивной сферы эпистемологически чуждо оперантной психологии, так как подразумевает субстанциальность внутренних переменных, их независимость от средовых и иных влияний.

Во-вторых, использование промежуточных либо дополнительных переменных исключительно в качестве объяснительных конструктов также излишне в силу ряда причин, приведенных, например, Д. Муром: «1. Они препятствуют эффективному прогнозированию и контролю поведения; 2. Они скрывают важные детали; 3. Они искажают факты, которые должны быть учтены; 4. Они препятствуют поиску действительно релевантных переменных; 5. Они разжигают любопытство, заставляя людей воспринимать причудливые и фиктивные построения в качестве объяснений; 6. Они дают ложные заверения в отношении состояния наших знаний; 7. Они приводят к продолжению использования научных методов, от которых следует отказаться, например, гипотетико-дедуктивного...» [Moore, 2009. P. 35].

Альтернативным способом расширения предметной области направления стала своеобразная стратегия «опосредования», подразумевающая отход от механицизма через усложнение стимульных отношений. В каком-то смысле все те функции, которые в социально-когнитивных теориях передавались внутренней, когнитивной инстанции (упорядочивание стимульного «хаоса», структурирование поведенческих ответов, обеспечение независимости организма от среды в пространстве и времени и, соответственно, усложнение подлежащего усвоению опыта), в современных версиях радикального бихевиоризма выносятся «вовне» и локализуются в области сопряжения организма и среды (т. е. приписываются поведению).

Ниже следует кратко упомянуть тот концептуальный инструментарий, при помощи которого данная задача решается.

Различение публичных и частных (частных) событий. Речь идет о предложенном Б. Скиннером своеобразном способе представления ненаблюдаемых переменных (без введения собственно переменных). Те явления, которые в когнитивном бихевиоризме трактовались «внутренне» (когниции, эмоции), получают здесь чисто поведенческую окраску, в том смысле, что они тоже являются поведением, но про-

текают «приватно», в том числе вне наблюдения. Благодаря этому, они могут быть встроены в поведенческий анализ. Как приватные можно трактовать: «(а) приватные поведенческие события, (б) физиологические события, (в) вероятность активации определенных форм поведения (диспозициональное значение. – В. С.) или (г) объяснительные конструкции»¹⁷ [Moore, 2009. P. 25].

Данная дифференциация вызывает ряд вопросов. В частности, У. Баум, констатируя, что для радикального бихевиоризма чужд подход, отождествляющий внутреннее событие с его внешним выражением (это скорее Уотсон), вместе с тем отмечает, что идея «приватного события», в том числе подразумевающего скрытое протекание, достаточно проблемна (что делать со «скрытостью»?) [Baum, 2011. P. 193; Steinman, 1970. P. 167]. Однако при условии соблюдения ряда требований их использование вполне возможно: «когда кто-то говорит о мыслях или чувствах, мы не должны представлять частные события как причины высказываний (в смысле содержания того, чего не наблюдаем. – В. С.), но мы должны искать детерминанты в средовых событиях настоящего и прошлого. Прошедшие события невидимы в настоящем, но они *были публичными и наблюдаемыми*, и все выводы о них можно проверить, в отличие от выводов о частных событиях» [Baum, 2011. P. 199]. Завершая мысль, следует подчеркнуть, что в рамках данного подхода когниция (эмоция) не может быть причиной поведения (и наоборот), так как они (и когниция, и поведение) проистекают *из одного и того же источника* (то, что вызывает поведение, является и причиной когнитивных событий) [Kirsch et al., 2004. P. 378].

Развитие идеи генерализации. Выше упоминалось, что идея генерализованных оперантов была отчасти интегрирована Бандурой в свою теорию, которая, с его точки зрения, давала наилучший ответ на вопрос о механизмах данного процесса. Важность последнего сложно переоценить, так как именно генерализация позволяет осваивать большие «порции» опыта, переносить его из ситуации в ситуацию, экстраполировать во временной перспективе.

В рамках радикального бихевиоризма генерализация интерпретируется не в когнитивном ключе, а при помощи, например, обращения к особому типу поведения – вербальному. Одноименная работа Б. Скиннера дала мощный импульс развитию бихевиоризма приме-

¹⁷ В цитируемой работе проблема приватных событий подвергается всестороннему и весьма интересному анализу.

нительно к человеческому поведению, существенно расширив эвристические возможности подхода. Вербальное поведение трактуется «...как поведение, усиливающееся посредством другого организма, который был научен окружающими предоставлять подобное поощрение»¹⁸. Здесь нужно оговориться, что понятие «вербальное поведение», разумеется, связано с использованием языка, но в исключительно прагматическом контексте. Быть может, точнее было бы сказать, что вербальное поведение – это поведение с использованием (любых) средств общения и коммуникации, *поскольку в нем подкрепление имеет отчетливую социальную природу* (позиции «говорящий» и «слушатель» у Скиннера)¹⁹.

Благодаря идее вербального поведения стало возможным дальнейшее расширение предметного поля.

Во-первых, речь идет о разработке идей множественного и совместного стимульного контроля, которые подразумевают именно вербальное посредничество между некоторыми видами селективного поведения²⁰. Тем самым формируется поведенческий инструментарий, позволяющий лучше понимать ситуации, где несколько переменных вызывают одну реакцию, и наоборот [Skinner, 2014. P. 227]: «Вербальное поведение обычно является следствием нескольких причин. Отдельные переменные комбинируются для расширения их функционального контроля, а новые формы поведения возникают из рекомбинации старых фрагментов» [Ibid. P. 43].

Во-вторых, научению через наблюдение противопоставляется дальнейшее развитие идеи генерализованной имитации, дающей возможность «обобщения имитации для нового поведения» (т. е. обобщения не поведения, а *самой имитации*. – В. С.) [Fryling et al., 2011. P. 195] и тем самым как бы заимствовать (обобщенный) опыт.

¹⁸ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов: обзор полемики // Переводы статей по прикладному анализу поведения. URL: <https://abatranslation.wordpress.com/2017/01/01/теория-реляционных-фреймов-обзор-пол/#more-677>.

¹⁹ Иначе говоря, главное здесь не то, кто, что, кому и с каким эффектом сообщает. Для функционального анализа поведения важнее, что своими действиями «говорящий» подразумевает возможность подкрепляющего реагирования со стороны другого. Вербальный же инструментарий просто расширяет поле, в котором происходит и подкрепляется поведение.

²⁰ Сайднер Д. Совместный контроль «для чайников»: объяснение модели совместного (стимульного) контроля Ловенкрона // Переводы статей по прикладному анализу поведения. URL: <https://abatranslation.wordpress.com/2016/10/18/совместный-контроль-для-чайников-об/#more-515>.

При этом, в отличие от викарного научения, генерализованная имитация подразумевает все же прямой контакт со средой, она оказывается «...результатом прямого подкрепления класса ответов, и, хотя она является оперантом более высокого порядка, это не поведение, контролируемое наблюдением за подкреплением, полученным другими» [Greer et al., 2006. P. 492]. Из описания механизма генерализованной имитации, предложенного одним из «пионеров» данного направления Д. Баером и его коллегами, следует, что для проведения подобной процедуры человек должен быть способен устанавливать различие *между поведением модели и своим собственным*, что делает возможным и научение принципиально новым навыкам. С точки зрения авторов, критерии подобного различия не могут не отсылать к личной истории подкреплений ²¹ [Baer et al., 1967. P. 415–416]. И если установление различий поведения модели и своего Бандура трактует когнитивно (что даже психологически более «удобно»), то оперантная психология укореняет эти различия в среде (поведение, основанное на неправильном различении, не подкрепляется или наказывается) и на личной истории подкреплений.

Здесь следует вставить ремарку об особой роли так называемой *истории подкреплений* ²² в концептуальных построениях радикального бихевиоризма. При помощи этой идеи его сторонники объясняют многое, в том числе процесс формирования паттернов. Однако здесь видится любопытная проблема. Если мы говорим о «чистых» экспериментальных условиях, когда действительно можно наблюдать последовательную цепочку научения, интерпретация с отсылкой к элементам этой цепочки абсолютно уместна. Но вне лаборатории возникает сложность: история подкреплений не наблюдается непосредственно и в таком случае фактически становится конструктом. Полностью этот парадокс, пожалуй, не преодолен. Одним из способов решения может являться присутствие в наблюдаемом поведении индивида вербальных и иных отсылок к истории. Кроме того, сам механизм генерализации – это по сути процедура обобщения опыта для использования его в дальнейшем в иных ситуациях (без оперирования самим опытом прошлого).

В-третьих, поскольку генерализация подразумевает существенную интенсификацию усвоения опыта, возникает вопрос о механизме,

²¹ Напомним, что с позиций теории социального научения данное различие устанавливается когнитивно, на чем и основано научение через наблюдение.

²² Строго говоря, «история подкреплений» – это функционалистский синоним понятия «опыт».

обслуживающем данный процесс. Такой механизм описан в рамках, например, теории эквивалентности стимулов. Причем отношения эквивалентности, фиксируемые для классов стимулов, формируются в процессе научения. Иными словами, стимульные события эквивалентны не потому, что в них содержатся схожие свойства, существующие «сами по себе»: «...эквивалентные классы не являются интегрированными единицами, но состоят из более гибких отношений» [Roche et al., 1997. P. 158].

Исследования, посвященные эквивалентности стимулов, демонстрируют, что свойства стимулов, в целом, переходят от одних элементов эквивалентных классов к другим²³. Иначе говоря, фактором трансформации стимула является не только среда, но и другие стимулы, не связанные напрямую с конкретным воздействием в данный момент.

Методологическая «изоляция» поведения в теории реляционных фреймов. Как отмечалось, оперантная психология переносит все функции, описанные в «когнитивном» бихевиоризме, в область взаимодействия организма и среды (или иначе – поведения и среды). Не стали исключением механизмы редукции средовой сложности и стохастичности. В социально-когнитивных теориях эта задача решается в рамках реципрокного детерминизма (когнитивная обработка структурирует и даже видоизменяет стимульную среду). Анализ генерализованной имитации и теория эквивалентности позволили несколько уравнивать эвристические возможности радикально-бихевиористского и когнитивного подходов. Однако постскиннерианская теория реляционных фреймов пошла дальше и позволила детальнее понять «вынесенный вовне» механизм структурирования средовых воздействий. При этом потребовался пересмотр одного из положений скиннерианской теории, приведший к крайне важным, с нашей точки зрения, методологическим следствиям.

Пересмотр касается понятия частных событий. С. Хайес критикует данный концепт и подчеркивает необходимость трактовать когнитивные феномены в терминах событий, доступных для внешнего наблюдения [Hayes, Fryling, 2009. P. 43–44]. В своем развернутом исследовании проблемы автор анализирует недостатки различения публичных и частных событий, точнее изъяны (ненаблюдаемость) последних. Он подчеркивает, что соблюдение требований поведенческого анализа содержит необходимость детального учета всех

²³ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов...

переменных (некоторая гипотетичность частных событий содержит проблему). Если исходить из того, что (не)наблюдаемость тех или иных переменных проистекает не из свойств самих событий, а из позиции наблюдателя, решение заключается именно в «коррекции» исследовательской оптики [Ibid.].

Идея теории реляционных фреймов в этом вопросе основана на констатации концептуального подобия теории социального научения и оперантной психологии в вопросе отношения к когниции (аффекту и т. п.). Оба направления трактуют ее как *зависимую* переменную. Но если в первом подходе, ориентированном на предсказание поведения через отсылку к причинам, в качестве предиктора может выступить «...любая зависимая переменная, которая надежно предшествует другой зависимой переменной» (например, когниция предшествует поведению и является его причиной. – В. С.), то во втором – чисто поведенческом, ориентированном на контроль поведения, – подобная процедура невозможна, так как зависимая переменная по определению не может быть использована для прямого управления [Hayes, Wilson, 1995. P. 242]. Из-за этого когницию как предмет исследования предпочитают либо из поведенческого анализа исключить вообще, либо она учитывается косвенно (концепт «частного события»).

Предлагаемую теорией реляционных фреймов альтернативу можно трактовать даже как своего рода локальную эпистемологическую революцию – когнитивные, аффективные и иные частные события интерпретируются в ней как *независимые* переменные, и по отношению к поведению они становятся фактически приравненными к среде²⁴, т. е. когнитивная (аффективная и т. д.) сфера влияет на поведение также, как и *внешняя* (например, социальная) среда. И тогда весь описанный выше инструментарий (генерализация, имитация, эквивалентность, контингентность и т. п.) применим и в анализе *отношений когнитивной и поведенческой сфер*. В каком-то смысле речь идет о поведенческом аналоге реципрокной триады (хотя прямые указания на это найти сложно).

Структурирование среды и контекстуальный контроль. Поведенческий подход исходит из аксиомы сложности среды в том смысле, что она содержит потенциально бесконечное число стимулов. В классическом бихевиоризме практически не было инструментария, по-

²⁴ В функциональном, но никак не онтологическом, субстанциальном смысле.

звolyющего ответить на вопрос, каким образом с этой сложностью «справляется» организм. В социально-когнитивной теории сложность редуцировалась благодаря когнитивным функциям. Оперантная психология пошла по пути поисков механизмов борьбы со сложностью в самом поведении.

Как отмечено, идея фреймирования, по сути, продолжает и детализирует способы упорядочивания среды (судя по всему и «когнитивной» среды) в рамках поведения. Речь идет уже не просто о генерализации, имитации или установлении эквивалентности стимулов. Можно говорить об описании стратегий установления независимости от средовых возмущений (причем чисто поведенческой), в чем-то сопоставимой по значению с «когнитивным поворотом».

Стратегия основана на возможности произвольного установления отношений между стимулами (т. е. такие отношения – результат оперантного научения)²⁵. Согласно теории, люди научаются выводить взаимные отношения между событиями (без непосредственного опыта подкреплений) [Hayes, Wilson, 1995. P. 243], все более и более расширяя сеть связанных таким образом стимулов (такие отношения и есть реляционные фреймы) и тем самым структурируя среду стимульного взаимодействия. Оперантное поведение подкрепляется прямыми контингенциями, но изменяется под воздействием реляционных отношений, и далее научение происходит опосредовано. Причем такое опосредование может быть весьма широким «...как если бы стимулы были связаны друг с другом разными способами» [Hughes, Barnes-Holmes, 2013. P. 3]. Иными словами, сам поведенческий ответ является реляционным по «природе» и автоматически подразумевает установление связей с различными стимулами (самим фактом поведения) [Relational Frame Theory..., 2002. P. 27].

Тем самым число механизмов и способов научения расширяется. В этой связи С. Даймонд подчеркивает различие между тремя типами научения: основанном на восприятии (в основе – физическое подобие стимулов), реляционным (относительном – на основе отношения между событиями) и ассоциативным (на основе связывания произвольных стимулов) [Dymond, 2014]. Общим для всех трех типов является сам факт установления связи, отношений между стимулами, которые зависят от контекста (а не просто механическая реакция на конкретный стимул). «Согласно теории реляционных фреймов,

²⁵ Гросс Э., Фокс Э. Теория реляционных фреймов...

вербально компетентные люди могут связывать события, когнитивные и другие, без какой-либо истории прямого обусловливания... Устанавливать связь – значит реагировать на одно событие в терминах другого. В дополнение к реагированию на формальные свойства стимула, люди также могут реагировать на стимулы реляционно» [Weinstein et al., 2008. P. 43]. Таким путем возрастает и степень независимости организма от среды за счет «отрыва» реакции от произвольных свойств стимула, приводящих к автоматическому подкреплению [Dymond, 2014. P. 152].

Сам фрейм – это своеобразная «рамка отношений», внутри которой возможно произвольное обращение со стимулами; это привнесенная в ситуацию гибкая структура сопряжения поведения и среды. Во многом – это способ произвольного «некогнитивного» абстрагирования. Можно зафиксировать корни фреймирования в процедуре генерализации, которая подразумевает выработку и использование поведенческих критериев, переносимых из ситуации в ситуацию независимо от характера подкреплений. Так, в случае генерализации операнта (как такового) речь идет о переносе из ситуации в ситуацию критериев различения «природы» стимулов, позволяющем, например, относить их к эквивалентным классам (а не обрабатывать каждый стимул «с нуля»).

Фреймирование – процедура подобного типа. Обработка средового стимула путем помещения его во фрейм приводит к тому, что стимул *обретает* свои свойства (т. е. свойства стимула не содержатся в нем самом) за счет своей связи с другими стимулами, относящимися к данному фрейму (этот континуум стимулов составляет стимульный контекст). Тем самым он перестает быть «механическим» (каким бы он был, если бы «между» средой и поведением не подвергался «фреймовой» обработке). Другими словами, фрейм включает критерий селекции стимулов определенного класса, задает границы этих классов (по сути, на основе «инструкции», какие именно стимулы помещаются во фрейм), устанавливает порядок произвольной связи стимулов во фрейме. Таковую степень гибкости и произвольности в обращении со стимулами обеспечивает прежде всего вербальная природа фреймов («вербальное поведение – фреймирование отношений между событиями» [Relational Frame Theory..., 2002. P. 42]).

Любопытно, что многие поведенческие аналитики не готовы признать «инновационную» природу данной концепции. Для них все то, что относится к категории фреймирования – хорошо систематизи-

рованная концептуализация всего того, что и так есть в радикальном бихевиоризме (а «фрейм» – лишний термин). Так, Дж. Палмер проводя критический разбор теории, разбирая типы фреймирования (координация, оппозиция, различение, сравнение, иерархия, временные и пространственные, а также дейктические отношения), доказывал ее «избыточность» и достаточность инструментария оперантной психологии [Palmer, 2004. Р. 191–192].

Реляционный фрейм как аналитическая единица укладывается в трехчленную формулу: контекстуальный сигнал – это третья переменная (S_{reinf}), реляционный ответ (т. е. реакция на стимул «В» в терминах «А», и наоборот) – второй член формулы (R), а история дифференциального подкрепления, коррелирующая с контекстуальным сигналом, – первый компонент формулы (S_D) [Healy et al., 2000. Р. 207].

В силу описанных причин теория реляционных фреймов считает ключевым именно *контекстуальный контроль*²⁶: подкрепляющий эффект данного стимула зависит от того, в каких отношениях он находится с другими (на чем сказываются история подкреплений, средовые влияния и сама процедура помещения всех этих параметров во фрейм). «С этой точки зрения любые фреймированные объекты или события становятся для нас вербальными – они становятся частью мира, известного через реляционный фрейм» [Stewart, 2017. Р. 69].

Сближение с когнитивной психологией? Выше упоминалось, что теория реляционных фреймов, несмотря на свою поведенческую природу, делает невольные шаги в сторону сближения с когнитивной психологией (даже не с когнитивным бихевиоризмом). Объяснения данного факта таковы: «Сетевая теория значения, подразумеваемая теорией реляционных фреймов, сильно пересекается с современными когнитивными теориями смысла... Если концепция... правильна, множество когнитивных данных, показанных с помощью идеи семантических сетей (например, эффекты прайминга), могли бы применяться к классам эквивалентности (или другим реляционным сетям) и наоборот. Короче говоря, анализ поведения теперь является отраслью, активно изучающей “познание”» [Hayes, Hayes, 1992. Р. 1393]. При том что такое изучение познания преследует иные цели, чем в когнитивной психологии (чисто прагматические).

²⁶ В отличие от когнитивного в теории Бандуры или чисто средового в оперантной психологии.

Заключение: еще раз о конструктах и переменных

Представленные стратегии преодоления механицизма в поведенческой психологии построены на одном и том же принципе: автоматическое следование реакции из стимула необходимо «размыть», усложнив и, метафорически выражаясь, «интеллектуализировав» предоставление поведенческого ответа. Схема «если S, то (с необходимостью) R» должна быть дополнена переменными, отвечающими за обработку и трансформацию стимула, нейтрализующими жесткий детерминизм. Различие между подходами заключается в том, за счет чего проводится такая эпистемологическая операция.

Готовность теории социального научения к использованию конструктов, когнитивных переменных накладывает отпечаток на концептуальный «скелет» теории. М. Дугер проводит принимаемую и в нашей работе (пусть и в иных терминах) границу между так называемой «механистической психологией» (в том числе «когнитивным» бихевиоризмом) и «реляционным» (контекстуальным) подходом (вероятно, имея в виду современные формы анализа поведения). Согласно его исследованию, отличия данных направлений касаются целей, единиц анализа, представлений о причинности и объяснительных принципов. Говоря о единицах анализа, он прямо указывает на то, что в теории социального научения в качестве таковой выступает «процесс, явление (entity) или конструкт, который не является непосредственно наблюдаемым, но выводится из наблюдаемых отношений между средовыми и поведенческими событиями» [Dougher, 1995. P. 217]. При этом онтологический статус конструкта до конца не ясен, очевидно лишь, что он не является поведением (это можно утверждать относительно, например, самоэффективности).

Можно ли говорить о том, что производность когнитивных переменных означает их гипотетичность? Сам А. Бандура был склонен давать отрицательный ответ на этот вопрос. Конкретный перечень ненаблюдаемых переменных должен навести на подобную мысль и нас. В рамках идеи реципрокного детерминизма ни одна из переменных триады не является лишней. Если бы некто решил провести мысленный эксперимент и придать отдельное существование когнитивному компоненту теории, мы получили бы своеобразную «менталистскую» теорию личности, ничем особым не примечательную. Именно средовые и особенно поведенческие рамки делают набор когнитивных

переменных осмысленным (и позволяющим увязывать когнитивное с научением, а не, например, познанием).

Клиническое приложение самой идеи, заложенной в подходе, в виде различных версий когнитивно-поведенческой терапии, предохраняет от вынесения поведения за скобки (с наблюдаемого поведения начинается и им же заканчивается процесс). Причем последнее выполняет далеко не только симптоматические функции. Когнитивная парадигма полезна в плане разработки эффективных стратегий вмешательства [Corrigan, 1995].

Другой вопрос, что в различных сферах практического приложения особое внимание всегда уделялось именно ненаблюдаемому (быть может, наряду со стремлением максимально увеличить прозрачность переменных). Так или иначе эвристический потенциал идеи реципрокного детерминизма по ряду причин сложно считать раскрытым полностью.

Когнитивные переменные позволили вырваться из жестких детерминистских рамок и обеспечить независимость поведения от среды в пространстве и времени. Упомянутые выше претензии к Бандуре и его коллегам в связи с недостаточным вниманием к механизмам средовых подкреплений не столь важны. Строго говоря, детальная проработка таких подкреплений социально-когнитивным теориям и не нужна: какими бы ни были свойства стимула, они все равно могут стать другими вследствие когнитивной обработки.

Радикально-бихевиористская версия антимеханизма призвана решить те же проблемы, но принципиальным для нее является стремление оставаться в сугубо поведенческих рамках. Задача упорядочивания стимульного «хаоса», структурирования поведенческих ответов, обеспечения независимости организма от среды в пространстве и времени, усложнения подлежащего усвоению опыта решается за счет предоставления соответствующих функций поведению. На вопрос о том, идет ли речь при этом о введении дополнительных переменных, ответить бывает не просто, но факт некоторого сближения двух описанных течений благодаря усилиям теории реляционных фреймов налицо.

Список литературы

Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

Смит Н. В. Современные системы психологии / Пер. с англ.; под ред. А. А. Алексеева. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.

Baer D. M., Peterson R. F., Sherman J. A. The development of imitation by reinforcing behavioral similarity to a model // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1967. Vol. 10. No 5. P. 405–416.

Bandura A. Comments on the crusade against the causal efficacy of human thought // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 179–190.

Bandura A. In Search of Pure Unidirectional Determinants // *Behavior Therapy*. 1981. Vol. 12. P. 30–40.

Bandura A. Modeling Theory: Some Traditions, Trends, and Disputes // *Recent Trends in Social Learning Theory* / Ed. by Ross D. Parke. New York; London: Academic Press, 1972. P. 35–61.

Bandura A. Ontological and epistemological terrains revisited // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1996. Vol. 27. No. 4. P. 323–345.

Bandura A. Social Cognitive Theory: An Agentic Perspective // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 1–26.

Bandura A., Adams N. Analysis of self-efficacy theory of behavioral change // *Cognitive Therapy and Research*. 1977. Vol. 1. No. 4. P. 287–310.

Bandura A., Adams N., Beyer J. Cognitive processes mediating behavioral change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1977. Vol. 35. No. 3. P. 125–139.

Bandura A., Barab P. G. Conditions governing nonreinforced imitation // *Developmental Psychology*. 1971. Vol. 5. No 2. P. 244–255.

Bandura A., Mahoney M. J. Maintenance and transfer of self-reinforcement functions // *Behavior Research and Therapy*. 1974. Vol. 12. P. 89–97.

Bandura A., Mahoney M. J., Dirks S. J. Discriminative activation and maintenance of contingent self-reinforcement // *Behavior Research and Therapy*. 1976. Vol. 14. P. 1–6.

Baum W. M. Behaviorism, private events, and the molar view of behavior // *The Behavior Analyst*. 2011. Vol. 34. No. 2. P. 185–200.

Baum W. M. On the impossibility of mental causation: comments on Burgos' (2015) «antidualism and antimentalism in radical behaviorism» // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 1–5.

Burgos J. E. Mentalism versus dualism: replies to commentaries // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 46–79.

Carton J. S. The Differential Effects of Tangible Rewards and Praise on Intrinsic Motivation: A Comparison of Cognitive Evaluation Theory

and Operant Theory // *The Behavior Analyst*. 1996. Vol. 19. No. 2. P. 237–255.

Carvalho Neto M. B. de We are all methodological behaviorists // *Behavior and Philosophy*. 2013. No. 41. P. 1–10.

Cervone D. Thinking about self-efficacy // *Behavior Modification*. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 30–56.

Cervone D., Shadel W. G., Jencius S. Social-Cognitive Theory of Personality Assessment // *Personality and Social Psychology Review*. 2001. Vol. 5. No. 1. P. 33–51.

Christofidou A. Jose E. Burgos (2015). Antidualism and antimentalism in radical behaviorism: a critical discussion // *Behavior and Philosophy*. 2016. Vol. 44. P. 6–17.

Clayton M. C. The nature and value of scientific system building: the case of interbehaviorism // *The Psychological Record*. 2005. No. 55. P. 335–359.

Corcoran K. J. Understanding cognition, choice, and behavior // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 201–207.

Corrigan P. W. On the battle between behavior and cognition: lessons from physicists and pragmatists // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 209–214.

Dougher M. J. A bigger picture: cause and cognition in relation to differing scientific frameworks // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 215–219.

Dougher M. J. Behaviorisms and Private Events // *The Behavior Analyst*. 2013. Vol. 36. No. 2. P. 223–227.

Dymond S. Meaning is more than associations: relational operants and the search for derived relations in nonhumans // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2014. Vol. 101. No. 1. P. 152–155.

Eysenck H. J. Expectations as causal elements in behavioural change // *Advances in Behaviour Research and Therapy*. 1978. Vol. 1. Is. 4. P. 171–175.

Fryling M. J., Johnston C., Hayes L. J. Understanding observational learning: an interbehavioral approach // *The Analysis of Verbal Behavior*. 2011, Vol. 27. P. 191–203.

Greer R. D., Singer-Dudek J. The emergence of conditioned reinforcement from observation // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2008. Vol. 89. No. 1. P. 15–29.

Greer R. D., Singer-Dudek J., Gautreaux G. Observational learning // *International Journal of Psychology*. 2006. Vol. 41 (6). P. 486–499.

Hayes L. J., Fryling M. J. Overcoming the pseudo-problem of private events in the analysis of behavior // *Behavior and Philosophy*. 2009. Vol. 37. P. 39–57.

Hayes S. C., Hayes L. J. Verbal relations and the evolution of behavior analysis // *American Psychologist*. 1992. Vol. 47. No. 11. P. 1383–1395.

Hayes S. C., Wilson K. G. The role of cognition in complex human behavior: a contextualistic perspective // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1995. Vol. 26. No. 3. P. 241–248.

Healy O., Barnes-Holmes D., Smeets P. M. Derived relational responding as generalized operant behavior // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2000. Vol. 74. No. 2. P. 207–227.

Holland P. C. Cognitive versus stimulus-response theories of learning // *Learn Behavior*. 2008. Vol. 36 (3). P. 227–241.

Hughes S., Barnes-Holmes D. Associative concept learning, stimulus equivalence, and relational frame theory: working out the similarities and differences between human and nonhuman behavior // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2013. Vol. 99. No. 2. P. 1–5.

Kemp S. M. R–S and S(–O)–R: alternative designs for neural networks // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1997. No 2. P. 229–231.

Kirsch I., Lynn S.J., Vigirito M., Miller R.R. The role of cognition in classical and operant conditioning // *Journal of Clinical Psychology*. 2004. Vol. 60 (4). P. 369–392.

MacCorquodale K., Meehl P. E. On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables // *Psychological Review*. 1948. Vol. 55. P. 95–107.

Moore J. Why the radical behaviorist conception of private events is interesting, relevant, and important // *Behavior and Philosophy*. 2009. Vol. 37. P. 21–37.

Palmer D. C. Data in search of a principle: a review of relational frame theory: a post-skinnerian account of human language and cognition // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 2004. Vol. 81. No. 2. P. 189–204.

Relational frame theory: A post-skinnerian account of human language and cognition / Eds. S. C. Hayes, D. Barnes-Holmes, B. Roche. New York: Kluwer Academic Publ., 2002. 285 p.

Roche B., Barnes D., Smeets P. M. Incongruous stimulus pairing and conditional discrimination training: effects on relational responding // *Journal of the Experimental Analysis of Behavior*. 1997. Vol. 68. No. 2. P. 143–160.

Rotter J. Social Learning Approach to Community Mental Health // Symposium on Youth: Their Values, Goals, and Career Concepts. Third Monograph. (Mancuso, James C.; And Others). Rensselaerville, New York, 1969. P. 1–22.

Rotter J. Some implications of a social learning theory for the prediction of goal directed behavior from testing procedures // Psychological Review. 1960. Vol. 67. No. 5. P. 301–316.

Schoda Y. Cognitive-Affective Processing System Analysis of Intra-Individual Dynamics in Collaborative Therapeutic Assessment: Translating Basic Theory and Research Into Clinical Applications / Y. Schoda et al. // Journal of Personality. December 2013. Vol. 81. Iss. 6. P. 554–568.

Scott W. D., Cervone D. Social Cognitive Personality Assessment: A Case Conceptualization // Cognitive and Behavioral Practice. 2016. Vol. 23. Issue 1. P. 79–98.

Skinner B. F. Verbal behavior. Cambridge, Massachusetts, B. F. Skinner Foundation Reprint Series, 2014. 553 p.

Smith N. W. Events and Constucts // The Psychological Record. 2007. Vol. 57. P. 169–186.

Steinman W. M. The social control of generalized imitation // Journal of Applied Behavior Analysis. 1970. Vol. 3. No. 3. P. 159–167.

Stewart I. RFT as a Functional Analytic Approach to Understanding the Complexities of Human Behavior: A Reply to Killeen and Jacobs // Behavior Analyst. 2017. Vol. 40. P. 65–74.

Tazouti Y., Jarlégan A. The mediating effects of parental self-efficacy and parental involvement on the link between family socioeconomic status and children's academic achievement // Journal of Family Studies. 2016. DOI:10.1080/13229400.2016.1241185.

The Cambridge dictionary of psychology / Ed. by D. Matsumoto. Cambridge Univ. Press, 2009. 587 P.

Weinstein J. H., Wilson K. J., Drake C. E., Kellum K. K. A relational frame theory contribution to social categorization // Behavior and Social Issues. 2008. Vol. 17. P. 40–65.

V. N. Sergeev

*University of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations
of the Republic of Belarus
25 Mashinostroiteley Str., Minsk, 220118, Republic of Belarus*

v.n.sergeev@gmail.com

TWO STRATEGIES TO OVERCOME MECHANICISM IN MODERN BEHAVIORISM

One of the most serious methodological problems with which behavior psychology faced last third of the 20th century has become the passing of mechanicism, which was founded in its very conceptual basis since the beginning. Mechanistic attitude as a kind of strict environmental determinism significantly limited the subject field of behaviorism, deprived a full instrumentarium of research and modification of complicated forms of person's behavior. Different strategies of reply to such a challenge has led to behavior science division into two streams which determine the form of modern behaviorism: cognitive and operant. In the context of the first one strict determinism overcomes by mean of conceptualization principle namely reciprocal determinism and by the attempts of its operationalization. In the context of the second one – by further development of operant learning idea and complicating of behavioral mechanisms which let them include the analysis of arbitrariness as a quality. In this article there is the review of methodological content of mentioned strategies and also some problematic moments each of them are indicated.

Keywords: determinism, mechanicism, intervening variable, hypothetical construct, stimulus event, stimulus control, social learning theory, reciprocal determinism, operant psychology, generalization, relational frame theory.